

**А.С. Мыльников. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. 176 с.**

Новая монография известного специалиста по этнографии и культуре народов Европы А.С. Мыльникова, как и многие другие его научные труды, имеет важное значение для понимания процесса становления современной европейской цивилизации и ее места в контексте общемирового социокультурного развития. Взаимодействие и взаимовлияние культур стали основой авторского взгляда на регион как на geopolитическое пространство с подвижными границами. По мнению А.С. Мыльникова, Центральную Европу следует рассматривать как «историческую область» (или «историческую провинцию»), в которой сочетаются черты экономической, социокультурной и экологической общности (с. 7–8). Подтверждением правильности такого взгляда на культурное пространство Европы стали реалии конца XX в. (Общий рынок, Европейское сообщество), проявившиеся и среди народов Центральной Европы, даже несмотря на то что переход в этом регионе от феодализма к капитализму и связанный с этим процесс формирования наций протекали в условиях как «полных», так и «неполных» социальных структур (с. 9).

Весьма важен основной аспект монографии, связанный с проблемой формирования национального самосознания как основного социокультурного фактора в процессе превращения феодальных европейских государств (в данном случае расположенных в Центральной Европе) в буржуазные (читай – национальные) образования. А.С. Мыльников справедливо полагает, что системообразующими факторами в этом процессе были те, которые имели этнический, социальный и духовный контексты, почему-то игнорируя экономический. Неужели из-за боязни упрека в сохранении в своем научном арсенале марксистскихrudиментов? А ведь это уже аксиома: нациестроительство в Европе напрямую зависело от уровня экономического развития стран. Без экономического контекста многомерная структура национального сознания, в которую автор справедливо включает такие компоненты, как самоназвание (эзоэтнонимы) народов, этническое самосознание (или, как его называет автор, «этническая идентификация»), самоутверждение с его двумя аспектами статуса личности как частного и как публично-правового субъекта, представляется не совсем полной, так как нация с ее очевидным буржуазным содержанием является не только социокультурной, но и социально-экономической единицей. В этом смысле сформировавшаяся нация и осознание ее членами своего единства, что, собственно, и есть национальное самосознание, – феномен скорее этнополитический, чем этнокультурный. В процессе формирования нации этничность все более и более замещается новыми, неэтническими ценностями: гражданской (государственной) принадлежностью, демократическими принципами взаимоотношения между населением страны и властью (демократические свободы), священным правом на обладание частной собственностью и политическими правами отдельного человека. Тем самым нация никак не может являться одним из типов этнической общности, который якобы свойствен буржуазному обществу. Так же как и национальное самосознание не есть проявление этнического самосознания в данной «социально-экономической формации»; оно лишь строится на фундаменте доминирующей этнической культуры того или иного государственного образования.

Если, к примеру, взять Австро-Венгерскую империю, то там национальное самосознание вызревало на дуальной основе, так как было представлено двумя доминирующими этносами: австрийским и венгерским. И только после распада Австро-Венгрии в 1918 г. освобожденные «неполноправные народы» получили шанс создать собственные государства, тем самым вступив самостоятельно в процесс нациестроительства. До этого, находясь в иной системе координат, народы лишь накапливали национальный потенциал, в котором этническое начало, на чем справедливо акцентирует внимание автор рецензируемой книги, играло заметную роль. И тут автор, говоря о становлении национальной символики, абсолютно прав в том, что «складывание конкретного фонда национальных символов в Центральной Европе определялось в конечном счете параметрами функционирования этнических культур в их взаимодействии и взаимовлиянии» (с. 51). Смысло-вой фонд национального самосознания, несомненно, этнический, ибо иным он и не может быть, так как этнос, на фундаменте которого строится нация, историчен в своем развитии, а значит, обладает параметрами, способными консолидировать нацию на основе преданий об общности происхождения людей, ее составляющих. На этом и строится мемориальная символика, которая, по справедливому замечанию А.С. Мыльникова, выступает «как в образных (фигуративных), так и в институциональных (атрибутивных) формах». Этническая составляющая наличествует и в процессе национальной интеграции символов. Поэтому действительно нельзя не сказать о роли в этом процессе просветительства и патриотизма и громадном значении национальных лидеров, способных преобразовать стихийные настроения масс в осознанную идею нациестроитель-

ства, отобрав для этого из исторического наследия народа необходимые примеры и аргументы. Новые «пассионарии», говоря языком Л.Н. Гумилева,двигают этот процесс, обусловленный, однако, объективными историческими причинами.

На страницах книги подобных примеров из истории народов Центральной Европы XIX в. предостаточно, что придает ей характер многостороннего историко-культурного исследования. Подкрепляют эту характеристику книги и страницы, посвященные генезису, структурированию и способам объективизации национального самосознания у народов Центральной Европы. Как известно, существуют два основных способа складывания последнего: стихийный и направляемый. Автор, правда, не согласен с теми, кто считает, что «национальное самосознание возникало в образованных кругах общества и отсюда, "сверху", внедрялось в низовые сельские и городские народные массы» (с. 71). По его мнению, историческая действительность была намного сложнее; материалы, отражающие духовное развитие народов Центральной Европы, указывают, как он считает, на сочетание стихийности и управляемости этим процессом (с. 71). Правильность этого утверждения очевидна, как нет сомнений и в том, что этническая составляющая в национальном самосознании обнаруживается прежде всего в сельской среде, где «удерживались этнические культурно-бытовые и языковые традиции» (с. 71), что именно простой народ определяет характер и лицо нации (с. 72). Однако без культуртрегерской и политической деятельности группы людей, в результате которой и появляются национальные лидеры, процесс формирования нации так же невозможен, как и без упоминавшегося выше экономического фактора, т.е. без развития тех производительных сил, которые, собственно, и определяют саму природу буржуазного общества. К сожалению, автор обошел это в своем исследовании, как, впрочем, и то, что созревание нации и самосознания людей, ее составляющих, происходит под влиянием комплекса этнокультурных и социально-экономических факторов. В этом процессе возникает одна из главных составляющих нации – класс буржуазии, что А.С. Мыльников, конечно, осознает, но лишь с культурологической точки зрения, акцентируя свое внимание на проблеме «нового» патриотизма. По его мнению, «именно через концептуальное осмысление чувства патриотизма проходила сопряженность национального самосознания как объективной данности с различными идеологическими формами его обоснования. Применительно к эпохе перехода народов региона от феодализма к утверждению основ буржуазного общества выделяются три главных этапа такой сопряженности, которые условно можно назвать "просветительским", "национально-романтическим" и "политически-прагматическим"» (с. 83). Иллюстрируя эту мысль примерами из Новой истории почти всех народов Центральной Европы, автор приходит к выводу, что «в целом эволюция идей патриотизма отразила ведущие тенденции нациеобразующих процессов и генезиса национального самосознания» (с. 113) у этих народов. Однако он вновь игнорирует социально-экономический аспект нациестроительства, без которого понимание этого процесса неполно, ибо по своей сути и результату это процесс не столько этнокультурный, сколько государственно-политический. О его надэтнической сущности автор этих строк уже писал<sup>1</sup>. В контексте же рецензируемой книги хотелось бы подчеркнуть следующее: ее автор, опираясь на концепцию стадиального развития этноса (племя – народность – нация), квалифицирует период национального становления как процесс смены типа этноса от феодальной народности к буржуазной нации. Именно с этих позиций он заявляет о сложности соотнесения категорий «народная культура» и «национальная культура». И первая и вторая, по его мнению, – культуры этнические, тогда как нация и ее культура, сохраняя лишь элементы доминирующей этнической общности, являются уже категориями общегражданственными, т.е. уже скорее политическими, чем этническими. Отсюда и появление в национальный период развития общества такого явления, как «массовая культура», все более и более отодвигающая на задний план народную (читай – этническую) культуру. Наличие же в структуре национальной культуры «этнокультурного плюрализма», часто в форме квазиэтничности (фольклоризм, псевдотрадиционная кухня, размытое этническое самосознание, литературный язык и т.п.), говорит лишь о том, что в новой общественной структуре долгое время сохраняются старые социальныеrudimentы.

Конечно, в период становления национальных государств (в том числе и в Центральной Европе), которому посвящена рецензируемая книга, этническая составляющая имела громадное значение. Тогда, как справедливо замечает автор, «идентификация индивидуумов или группы людей с тем или иным этническим коллективом становилась стимулирующим фактором генезиса и закрепления национального самосознания в целом» (с. 124). Однако последнее при заметной этнической насыщенности в процессе своего развития перерастает в новое качество, становясь достоянием уже не только доминирующей культуры формирующегося национального государства, но и всех иных этнических единиц, составляющих его. Это в равной степени можно отнести и к национальной культуре, которая действительно являлась «основным каналом

объективизации национального самосознания» (с. 125). Этническая в своей основе национальная культура, однако, не несет в себе этнокультурную парадигму. Напротив, в процессе своего развития она все больше освобождается от этничности, становясь в конце концов феноменом общегосударственного звучания, т.е. буржуазным по своей сущности. Деэтничизация нации происходит не по воле Х.Ю. Пуле или В.А. Тишкова, в чем того и другого упрекает автор рецензируемой книги. Это закономерный исторический процесс, в котором естественным образом социокультурная сущность этноса трансформируется в социополитическую сущность нации. Это, конечно, очень длительный процесс, в котором в настоящее время отмечаются бурные и болезненные этнические рецидивы в виде этнонациональных конфликтов, что лишь подтверждает мысль о незавершенности процесса нациестроительства в глобальном масштабе. Кстати, сам автор монографии хорошо это понимает, если пишет следующее: «Надо признать, что теория этноса, в основе которой находится понятие нации как этносоциального организма, как определенного типа социальной организации этноса, – эта теория, в разработке которой участвовали как советские этнографы и историки, так и многие их зарубежные коллеги в 1960 – начале 1980-х гг., оказалась во многом догматизированной и к тому же в значительной мере построенной на материале европейского этнического развития. Ее важнейший недостаток заключался, на наш взгляд, в том, что мало учитывались исторические условия и пути складывания современных наций в разных регионах и у различных народов мира (не говоря уже о том, что у ряда современных народов нации еще попросту не успели сложиться!» (с. 173).

И действительно, теория этноса, при всей значимости поставленных в ней проблем, слишком абсолютизировала этническую парадигму в социуме, считая этничность изначальным и вечным качеством человеческого общества. Надо сказать, что в последние годы произошел существенный пересмотр этой доктрины в сторону признания этничности в качестве феномена, имеющего определенные исторические границы<sup>2</sup> или, более того, не имеющего ничего общего с тем, что в обыденном сознании ассоциируется с понятием народ<sup>3</sup>. Теоретические споры о природе этничности в человеческом обществе досконально рассмотрены в книге Н.Г. Скворцова «Проблема этничности в социальной антропологии»<sup>4</sup>. В ней можно найти любопытное определение нации: «Нации – такие сообщества, от граждан которых ожидается приобщенность к общей культуре и самоидентификации, реализуемые абстрактным, анонимным образом. По Б. Андерсону, наиболее ярким примером абстрактного, анонимного характера морального единства и общности нации является могила Неизвестного солдата»<sup>5</sup>. Таким образом, отличие этнического самосознания от национального состоит в том, что первое опирается на общность вполне реальной традиционной культуры, в которой почитание неизвестного героя просто невозможно, как и невозможны безадресность, абстрактность и анонимность, свойственные национальной культуре. Синонимичность в употреблении этнического и национального начал в человеческом обществе – результат несомненного взаимопроникновения этих двух социальных феноменов. Однако конкретный исторический материал показывает, что они вовсе не тождественны и, самое главное, типологически никак не связаны. Таким материалом является вся Новая и Новейшая история народов, населяющих Центральную Европу и ставших предметом исследования рецензируемой книги. Но, по мнению ее автора, «не менее богатый и теоретически еще недостаточно осмысленный и понятый материал дает и практика национальной эволюции во многих регионах бывшего Советского Союза» (с. 175). Научным воплощением этой мысли стала монография С.В. Чешко «Распад Советского Союза» (М., 1996). В разделе, посвященном нациестроительству в СССР, автор подчеркивает, что «...официальная концепция советского народа была чрезмерно идеологизированной, помпезной, наивно-претенциозной, как и многие другие "концепции" той эпохи. Однако она не была полностью неверной, поскольку существовал сам советский народ как народ-общество, продукт длительного развития единого государства... С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм, – считает С.В. Чешко, – следует признать не только реальное существование в СССР "советского народа", но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации – советской нации»<sup>6</sup>.

В заключение необходимо сказать, что проблема формирования национального самосознания, которой посвящена рецензируемая монография, стала в последние десятилетия одной из центральных в научных исследованиях, охватывающих многие регионы мира, в том числе и страны Нового Света. К сожалению, до сих пор среди этих работ трудно найти четкое понятийно-терминологическое разграничение таких историко-социальных категорий, как «этнос» и «нация». Это «привело к смещению акцента с историко-культурной сущности этноса на социально-политическое качество тех обществ, в которых он существует и которые обязаны ему своей этнокультурной специфичностью»<sup>7</sup>. Монография А.С. Мыльникова, несмотря на приверженность ее автора к типологической модели развития этноса, тем не менее раскрывает на примере формирования национального самосознания народов Центральной Европы (XVIII–XIX вв.) механизм

трансформации этнокультурности феодальных обществ с их обрядовой традиционностью в общества нового буржуазного типа, в которых уже «в целом превалировала этнополитическая модель наций, завершающий этап консолидирования которых далеко и не во всех случаях к настоящему времени произошел» (с. 174). И последнее, о чем необходимо сказать. Рецензируемая монография – не плод умозрительных рассуждений, лишенных конкретного материала. Напротив, все сказанное в ней иллюстрируется историей народов и государств Центральной Европы периода становления буржуазных общественных отношений, когда «...подошли сроки, уж чьему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготовлялось в мире с самого начала его цивилизации»<sup>8</sup> и когда, по словам Ф.М. Достоевского, происходило «нечто всеобщее и окончательное, и хоть вовсе не решающее все судьбы человеческие, но, без сомнения, несущее с собою начало конца всей прежней истории европейского человечества, начало разрешения дальнейших судеб его, которые в руках божиих и в которых человек почти ничего угадать не может, хотя и может предчувствовать»<sup>9</sup>. Теперь, по прошествии более чем 100 лет, видно, как проницателен был великий русский писатель, оценивая сущность национально-буржуазного процветания в Европу. Он тогда уже называл главные ценности и интересы новой цивилизации: «Это производство, это богатство, это спокойствие, нужное капиталу»<sup>10</sup>. К сожалению, этот аспект национального самосознания не нашел отражения в монографии А.С. Мыльникова. Тем не менее наблюдения и выводы ее автора вполне могут оказаться полезными «для осмыслиения не только прошлого, но и настоящего, а возможно, кое в чем и ближайшего будущего» (с. 176).

#### Примечания

<sup>1</sup> Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1997. № 3. С. 21–31.

<sup>2</sup> Там же. С. 21–31.

<sup>3</sup> Тишков В.А. Феномен этничности // ЭО. 1997. № 3.

<sup>4</sup> Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.

<sup>5</sup> Там же. С. 157.

<sup>6</sup> Чешко С.В. Распад Советского Союза. М., 1996. С. 141.

<sup>7</sup> Заринов И.Ю. Путь длиннее века (поляки в Бразилии). М., 1998. С. 105.

<sup>8</sup> Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 14. СПб., 1995. С. 6.

<sup>9</sup> Там же. С. 10.

<sup>10</sup> Там же. С. 54.

И.Ю. Заринов

© 1999 г., ЭО, № 3

**Л.Ш. А р с л а н о в. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополья (Язык. Фольклор. Словарь). Набережные Челны, 1995. 192 с.**

Одна из лучших традиций отечественной науки – открытость к междисциплинарным контактам, тесная связь со смежными науками. Именно такой подход приводил ученых-этнографов к самым плодотворным результатам. В этом русле работали такие исследователи, как В.В. Радлов, Д.Н. Анучин, С.И. Руденко, Д.К. Зеленин, С.П. Толстов, С.А. Токарев и многие другие, давшие мировой науке прекрасные образцы этнографических работ, основанных на материалах и достижениях не только гуманитарных, но и естественных наук. Можно сколько угодно спорить о правомерности выводов, к которым пришел Л.Н. Гумилев, но вся его научная деятельность основана на упомянутой выше традиции отечественной этнографии. Лингвистика относится к числу тех научных дисциплин, материалы которых довольно часто привлекают в своей работе этнографы.

В то же время и лингвисты нередко обращаются к этнографическому материалу, поскольку он «...тесно связан с лингвистическим исследованием, почему и является близким исследователю – лингвисту по специальности»<sup>1</sup>. Подобные исследования, кроме цитированного выше Е.Д. Поливанова, мы можем найти у известных лингвистов-туркологов Н.А. Баскакова<sup>2</sup>, Э.Р. Тенищева<sup>3</sup> и многих других. Этнография и лингвистика «обречены» на тесное сотрудничество, поскольку культура народа и его язык неразрывно связаны друг с другом.